

Марина Хаккарайнен

«Еврейские деньги» в эпоху трансформаций: общество, власть, этничность в воспоминаниях о советском времени

Еврейское население появилось в Российской империи после трех разделов Польши в конце XVIII в. Государственная политика ограничений на профессиональную занятость и место жительства определяла его род занятий и стиль жизни. «Российские законодатели были склонны отнести евреев к особым четко ограниченными социальным и юридическим категориям, в рамках которых те располагали бы собственными правовыми институтами» [Клиер 2000: 22], что вело к их сословной обособленности. В результате евреи стали составлять сообщество, которое в сравнении с остальным населением обладало особым статусом, обусловленным совокупностью религиозного, правового и социально-экономического положения, а также имело особый уклад жизни и ценностные ориентиры. Большинство еврейского населения жило в черте постоянной оседлости¹, тяготело к городскому образу жизни и занимало предпринимательскую (посредническую-торгово-ремесленную)² нишу в хозяйственной системе

Марина Валентиновна Хаккарайнен
Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Университет г. Хельсинки,
marina.hakkarainen@gmail.com

¹ Территория, на которой предписывалось жить евреям Российской империи. Подробнее см.: [Гессен 1906: 353–376]; «Черта оседлости» в Электронной еврейской энциклопедии <<http://www.eleven.co.il/article/14679>>.

² См. «Статистический очерк» П.П. Чубинского в его книге «Евреи Юго-Западного края»: [Чубинский 1872 VII]; ср.: [Zenner 1996].

региона. Лишь небольшая его часть, прошедшая имущественный, образовательный и профессиональный ценз, могла жить вне черты, в том числе и в больших городах. Это право предоставлялось купцам первой гильдии, лицам с высшим образованием, людям определенных профессий (ремесел) и прошедшим воинскую повинность и их потомкам¹.

Важнейшим инструментом ведения хозяйства и поддержания жизнедеятельности «предпринимательского» сообщества были деньги. Это существенно отличало их от земледельческого большинства, будь то крестьяне или помещики, основой хозяйствования которых была земля. Последние (те и другие) нуждались в деньгах и для этого обращались к еврейским предпринимателям. Евреи же выступали «коммерциализаторами» и «монетизаторами» ценностей, находящихся в распоряжении других сословий, превращая их в товар и обменивая на деньги. В отличие от остального общества, где деньги воспринимались как «необходимое зло», в еврейском сообществе деньги были разделяемой базовой ценностью². Они были не только платежным средством, мерилom стоимости, средством оборота и накопления или собственно товаром, но и важнейшим элементом еврейской культуры.

Автор первого этнографического очерка о еврейском народонаселении России М. Берлин особо отмечал три основные сферы применения денег у евреев, относя их к расходам зажиточных людей: одежда, повинности и благотворительность [Берлин 1861: 45–46]. Любовь евреев к нарядам и украшениям всегда отмечалась авторами очерков еврейского быта и трактовалась как врожденное пристрастие евреев к нарядной одежде и драгоценностям или как расчет — вложение денежных средств в имущество, показывающее платежеспособность семьи, которое в случае переезда можно взять с собой и снова превратить в деньги. Уплата податей связывала еврейские общины с государством, определяя их подданство и лояльность, и осуществлялась богатыми людьми — они вносили вклад в отношения с государством от лица всей общины [Там же: 45]. Этот вклад возвращался в сообщество в виде государственного устройства и бюрократических установлений, имевших подчас довольно сомнительную пользу для рядовых членов еврейской общины, но для зажиточных плательщиков часто оборачивался предпринимательской выгодой. Благотворительность, общественная и внутрисемейная, инкорпорированная во все

¹ См.: «Черта оседлости» в Электронной еврейской энциклопедии <<http://www.eleven.co.il/article/14679>>.

² О базовых ценностях см.: [Gudeman 2001: 27–30].

обряды и важные события, также была скорее практикой имущих людей. Она была механизмом перераспределения средств жизнеобеспечения внутри коллектива и одновременно очерчивала границы сообщества, устанавливала связи внутри этих границ, способствовала внутригрупповой солидарности [Хаккарайнен 2011: 90]. Благотворительность определяла бедных и богатых и подтверждала их положение. М. Берлин не включил в свой список учебу, но денежным тратам на учебу он уделил довольно много внимания [Берлин 1861: 68–73]. В еврейском обществе образование и особенно религиозная ученость обладали чрезвычайной ценностью, и деньги выступали мерилем передаваемого знания¹.

Таким образом, в денежные отношения было включено все сообщество, и зажиточные, и не очень. Деньги участвовали в обменных отношениях во время обрядов жизненного цикла и календарных праздников: в виде мелкой монеты они часто функционировали наравне с едой, были подарками и оберегами. Они использовались как украшения и служили объектами для разглядывания [Венгерова 2003: 186]. Деньги, таким образом, поддерживали функционирование еврейского сообщества как целостности. Переходя из рук в руки, они выполняли функции социального регулирования, актуализируя эту свою роль через сложившиеся культурные модели. В качестве ритуальных атрибутов они консолидировали общество, меняли и закрепляли иерархические отношения, маркировали бедность и богатство. В качестве обменного средства деньги участвовали в воспроизводстве ценностей сообщества. Посредством денег еврейские общины поддерживали связи за пределами своего сообщества — с другими сословиями и государством.

Высокая степень включенности евреев в денежные отношения вызывала резкую критику и со стороны властей, и со стороны общественности, и от их непосредственных соседей. Социологической сутью этого конфликта было выражавшееся в моральном осуждении сопротивление со стороны земледельческого общества рынку (представителями которого выступали евреи) с его денежными и коммерческими обменами, разрушавшими старые общинные солидарности [Parry, Bloch 1996: 3–5]. Деньги наделялись сакральной силой [Маркс 1960: 102, 104–156; Taussig 1977; Graeber 1996: 9–12; Parry 1996: 82; Parry, Bloch 1996: 3] и подвергались стигматизации, что налагало «денежное проклятье» на специалистов этой сферы [Ле Гофф 2010: 10, 66]. Евреям приписывали врожденный талант приумножать

¹ Примеры можно найти во многих этнографических и биографических очерках, например: [Алексеев 1896: 5–6, 16–17; Котик 2009: 66–67].

деньги, «страсть к деньгам», скупость и богатство, порождавшие бедность окружающего населения [Афанасьев 1861: 181–182; 1893: 15; Чубинский 1872 VII: 6–7, 97, 98].

В начале XX в. еврейский мир предыдущего столетия стал быстро разрушаться. Первая мировая война (1914–1918) нарушила, а Февральская революция (1917) разрушила черту оседлости. Значительная часть еврейского населения двинулась за ее пределы. Советская власть, пришедшая в результате октябрьского переворота (1917), уничтожила черту окончательно.

Советская власть с самого начала стала осуществлять экономическую политику имущественного равенства и внеденежных отношений [Юровский 1924: 15]. В 1918 г. был введен ряд мер по сокращению денежного обращения¹. Потребность в деньгах, однако, так и не была изжита [Там же: 17]. Перед советской властью встала задача восстановления финансовой системы. В 1921 г. был осуществлен переход к новой экономической политике. Советская экономика взяла курс на «мировое золото», в связи с чем в следующем году был введен в оборот золотой рубль², который должен был стать «хорошими деньгами» по отношению к обесценивавшимся «плохим», бумажным «советским деньгам»³. В движение пришло реальное золото внутри страны⁴, несмотря на то что золотые монеты старого образца оставались вне закона⁵. Однако к концу двадцатых годов период нэпа закончился «классовой борьбой» с рынком и его агентами, мелкими и средними торговцами и промышленниками⁶.

¹ К тому же в это время деньги моментально обесценивались. Так, к середине 1922 г. рубль был обесценен в 5–6 миллионов раз [Юровский 1924: 23]. О политике «военного коммунизма» см., например: [Гимпельсон 1973].

² Золотой рубль приравнялся к монете старой чеканки, но был идеальной ценностной единицей, подробно см.: [Юровский 1924; Протоколы 1936: 318–319]. Декретами Совнаркома «О предоставлении Государственному Банку права выпуска в обращение банковых билетов» от 25 июля 1922 г. <http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1363.htm> и «О предоставлении Государственному Банку права выпуска банковских билетов» от 11 октября 1922 г. <http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1416.htm> Государственный банк получает право выпускать банковские билеты, обеспеченные золотом. Декретом от 26 октября 1922 г. «О чеканке золотых червонцев» <http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1425.htm> Совнарком постановляет чеканить золотые монеты.

³ Противопоставление «хороших», обеспеченных золотом («золотая копейка»), и «плохих» советских бумажных денег («бумажки советские») можно найти в официальных обсуждениях экономической политики [Протоколы 1936: 35, 154, 318–319, 330, 384]; ср.: [Бродель 2006: 413; Ле Гофф 2010: 79].

⁴ См.: [Юровский 1924: 68–69].

⁵ Декретом 1921 г. о реквизициях и конфискациях операции с золотом и иностранной валютой по тяжести преступления «ставились почти в одинаковые условия с оружием и взрывчатыми веществами» [Юровский 1924: 78]. В 1922 г. происходит отмена обязательной сдачи ценностей: Декрет СНК РСФСР от 4 апреля 1922 г. «Об обращении золота, серебра, платины, драгоценных камней и иностранной валюты» <http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1307.htm>.

⁶ См. речь И. Сталина на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 г. [Сталин 1949].

В результате действий новой власти большинство граждан советского государства к концу 1920-х — началу 1930-х гг. стали трудящимися, которым государство гарантировало трудовые доходы, а расходы ограничивало основными потребностями и «личной собственностью» [Конституция 1936]. К этому времени практически все еврейское население также было переориентировано на наемный труд [Pincus 1988: 89, 92–98]. Началась эпоха плановой экономики и централизованного распределения базовых ценностей.

Итак, советская власть упразднила свободный рынок и право граждан на ведение предпринимательской деятельности, монополизировала производство и распределение денег. Тем самым деньги были лишены прежней ценности — они перестали быть маркером рынка, бедности и богатства. Советские деньги своим количеством и качеством уравнивали всех граждан — у трудовых доходов был верхний предел¹. Практически каждый горожанин, имевший трудовые доходы, через заработную плату и налог был включен в обмен с государством в индивидуальном порядке². Получаемые от государства деньги оказывались инструментом учета не только в экономической [Юровский 1924: 27], но и в значительной мере в политической сфере [Miller 1931: 328]. Ранжированные по размеру зарплаты или налогов³, они стали инструментом учета аскриптивной классовой лояльности по отношению к государству и власти. Иными словами, государство замкнуло основные денежные отношения граждан на себя: кроме трудовых доходов любые другие деньги оказывались не только моральным, но и политическим злом.

¹ Разница не в количестве, а в конечности трудового дохода. Если его сравнивать с предпринимательскими деньгами, то последние мыслятся как деньги без ограничений [Салинз 2000: 89].

² Имеется в виду уплата прямых налогов. Закон о прямых налогах был высочайше утвержден 6 апреля 1916 г. Согласно ему налоги должны были взиматься начиная с 1917 г. [Кравцова 2009: 90–91] и быть внесены к концу этого года, что и постановил от лица уже новой власти Совет народных комиссаров РСФСР декретом от 30 ноября 1917 г. Налоговое законодательство в первые годы советской власти не было стабильно. В декабре 1919 г. сбор старого подоходного налога был приостановлен. Закон о новом подоходно-имущественном налоге вошел в силу с ноября 1922 г. В связи с этим можно заметить, что, хотя такие категории граждан, как временно работавшие на поденных работах, военные, работники милиции и студенты, были освобождены от подоходных налогов (см., например, постановления ЦИК СССР «Положение о государственном подоходном налоге» от 29 октября 1924 г. <http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2229.htm> и «О введении в действие Положения о государственном подоходном налоге» 24 сентября 1926 г. <http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3055.htm>), а по Закону СССР от 4 апреля 1940 г. «О подоходном налоге с населения» <http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4233.htm> от него были освобождены герои Советского Союза и труда, рабочие и служащие с низким окладом и пр., тем не менее принцип прямого налогообложения устанавливал непосредственные отношения между государством и налогоплательщиком. Крестьяне и их хозяйства облагались налогами в ином порядке.

³ Так, в эпоху нэпа было три категории налогоплательщиков, различавшихся по своей классовой принадлежности [Miller 1931: 332]; см. также «Положение о государственном подоходном налоге» от 29 октября 1924 г. <http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2229.htm> и «О введении в действие Положения о государственном подоходном налоге» от 24 сентября 1926 г. <http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3055.htm>.

Идеальная модель взаимодействия между людьми теперь лежала вне денег.

Деньги имеют разные формы и функции и наделяются многими смыслами. В результате обмена они могут трансформироваться в символический — культурный, социальный, политический — капитал [Бурдые 2005; 2007], принять облик любой другой ценности, а потом снова обернуться деньгами, так как не имеют трансцендентного означаемого («lacks of a transcendental signified») [Maurer 2006: 16]. Деньги отсылают нас одновременно к разным аспектам реальности, они всегда являются символическим референтом, социальной системой и материальной практикой: «money as a symbolic referent, a social system, and a material practice» [Gilbert 2005: 361]. Какие же формы и значения имеют деньги для людей, которые связывают свое прошлое и настоящее с еврейским миром? Что и почему люди рассказывают о «еврейских деньгах» сегодня? Какие отношения и идентичности деньги актуализируют? Ниже я постараюсь ответить на эти вопросы¹.

Еврейские деньги во «внеденежном» мире: трансформации

Ориентация государства на экономику без рынка и полноценно функционирующих денег не могла не войти в конфликт с системой ценностей евреев, важными составляющими которой были деньги и богатство². Ограничение прав собственности и превращение бывших торговцев и ремесленников в советских тружеников и сейчас для многих еврейских семейных историй является временным рубежом жизни «до» и «после». В сегодняшней семейной памяти жителей больших городов и (в меньшей степени) жителей бывшей черты оседлости утрата семейного богатства, воплощавшего успешность нескольких поколений предков, нередко бывает точкой отсчета, с которой приходилось начинать жизнь «с нуля». Примером тому может служить биография, приведенная ниже.

[Папа]³ был из петербургской семьи, очень богатой. У них была квартира двенадцать комнат на Васильевском [острове]. Там стояли, как папа рассказывал, канделябры выше человеческого роста, серебряные. У его отца был магазин кожаных изделий. Там аксессуары всякие. <...>

¹ Полевые материалы были собраны на Украине в Подолии и в Санкт-Петербурге в 2005–2012 гг. в рамках этнографических экспедиций межфакультетского центра «Петербургская иудаика» Европейского университета в Санкт-Петербурге.

² Ср.: [Pincus 1988: 92].

³ 1908 г.р.

Вот знаете эти справочники «Весь Петербург»? И там мой дедушка, он указан еще в девятнадцатом веке. То есть он был купец первой гильдии, которому разрешено было здесь жить. <...> А папа был такой вот любимчик <...> Он учился в гимназии Мая¹ <...> У него были бонны <...> говорили по-французски с ним <...> никакого идиша там, конечно, в помине не было. К нему приходил ребе из синагоги, раз в неделю ивриту его обучал, который [потом] безвозвратно у него выветрился <...>

[Папа] рано начал играть, когда начался нэп, в игорном доме <...> В общем, он в три дня всю обстановку квартиры спустил <...> Остался... на полном нуле. И поступил грузчиком на Путиловский завод <...> Он был небольшого роста, но очень сильный человек. Но потом он как-то очень быстро там продвинулся. Он очень толковый и все-таки образованный. И в общем уже в тридцатые годы, когда образовалась... так называемая Промышленная академия, он получил оттуда направление, с того Путиловского завода. И закончил ее, в общем, практически перед самой войной, получив направление директором завода в Гусе Хрустальном² (Relic_SPb_2010_11_G_N³).

Образ жизни евреев вне территории компактного проживания еврейского населения существенно отличался от образа жизни в черте оседлости и по структуре социальных связей, и по культурным репрезентациям. В городах вне черты оседлости, в которых ценз на право жительства евреев был довольно требовательным к денежному и профессиональному положению, деньги конвертировались в сословные состояния и образ жизни купцов и высококвалифицированных специалистов. Они превращались в имущество — квартиры, мебель, одежду, предметы быта, сохранившиеся в семьях. Они шли на образование и другие потребности, соответствовавшие образу жизни состоятельных людей в большом городе, превращаясь в специфичный для места проживания культурный капитал.

После отмены старого порядка сословные и имущественные состояния евреев-старожилов больших городов (как и других представителей дореволюционных образованных слоев, людей «из бывших» [Витухновская и др. 2000: 9; Чуйкина 2006]) входили в конфликт с советскими ценностными установками. Во избежание репрессий неудобная и даже опасная в новых условиях «классовая принадлежность» должна была быстро исчезнуть, чтобы на ее месте появилась приемлемая. Стратегии

¹ Петербургская школа Карла Мая на Васильевском острове.

² Город во Владимирской области.

³ Обозначения: SPb_2010_11 — место (SPb — Санкт-Петербург; Tul — Тульчин; Bal — Балта; MP — Могилев Подольский; Ber — Бершадь), год и месяц.

перехода из старого состояния в новое были разными [Чуйкина 2006], но можно полагать, что потеря видимого имущества и денег были важным шагом на пути к обретению облика советского человека. Именно так произошло в приведенной выше биографии, по которой можно проследить трансформацию купца первой гильдии в неквалифицированного рабочего, а затем в представителя советской элиты, директора завода. Неожиданный поворот судьбы — проигрыш отцовского состояния в игорном доме, событие, не увязывающееся с моральными нормами ни старого, ни нового порядков, но вполне соответствующее эпохе нэпа, — нивелирует конфликт личного богатства и взятой за общественный идеал бедности. Успешность «до» находит свое продолжение и «после» в идеологически правильно выстроенной биографии советского служащего, начавшего жизнь с «полного нуля», быстро освоившего новые практики в советских учреждениях без утраты своего культурного капитала и уехавшего в небольшой провинциальный городок, чтобы потом вернуться назад в ином социальном качестве.

Напротив, ценности, остававшиеся в семьях бывших зажиточных горожан, находившиеся в руках женщин в виде женских ювелирных украшений или других ценных предметов — безделушек, ваз, шкатулок, посуды, могли существовать в семьях довольно долго. Они были скрыты в приватном пространстве семьи — похоронены в бельевых шкафах и в сундуках или забыты в коробках с женским рукоделием и пуговицами, оставлены пылиться на буфетных полках или приспособлены к новому скромному советскому быту в качестве предметов обихода. Иногда легендарные «бриллианты» бабушки оказывались не настоящими (Relic_SPb_2010_11_S_I), в других случаях, напротив, они имели денежную ценность, которая для советского человека с трудом поддавалась калькуляции.

Украшения были всякие очень дорогие, и там... я и сама видела — у бабушки бриллиантовая брошка... вот такой бант, усыпанный бриллиантами... настоящая вот такая бриллиантовая брошка. Но вот так, что прямо золото...

Сережки... огромные, которые разделены [между внуками]. Она [бабушка] очень любила украшаться... И были очень тяжелые серьги. А это... две части одной сережки... половинка потеряна... остальное все в Израиле сейчас... <...> Вот когда она уезжала [в Израиль], она кое-что на память подарила. Мне она подарила эти сережки-брошку. Потом она оставила там всякие такие забавные вещи: там типа серебряные кольца для салфеток. На память. Потом, когда мы замуж выходили все, она каждой подарила по серебряному кошелечку... (Relic_SPb_2010_11_Z_T).

В трудное время затерявшиеся в советской повседневности предметы актуализировали свою денежную ценность — преобразовывались в источник жизни во времена военного и послевоенного голода и оставались в семье лишь как воспоминание. Ценности также переходили детям по частям в виде приданого и превращались в мемориальные предметы, молчаливо хранящие память о семье. И только уже в поздний советский период появилась возможность снабдить оставшиеся предметы историей о социальном происхождении семьи, противоречившей советским ценностям.

Когда я была маленькая, мне казалось, что купчиха — это что-то такое огромное, толстое, несурзное... <...> жена купца, кровопийца. И как-то я помню, мне было лет шесть. И я лепила из пластилина. И слепила совершенно страшную какую-то тетку такую мордастую. Показываю бабушке, говорю — это купчиха. <...> А она мне говорит: «А я тоже купчиха». И мне это было такое потрясение.

То, что она купчиха, это она вообще... в принципе это все было под запретом. Вообще бабушка у меня считала, что меньше говоришь — больше живешь. <...> То, что она купчиха, она мне только один раз сказала. [Сейчас я] поняла, что у меня [было] совершенно деформированное сознание: ну, я маленькая была, но уже совершенно обработанная советским <...> детским садом и школой (Relic_SPb_2010_11_Z_T).

Женские украшения и безделушки, находясь в приватном пространстве, становились неотделимой частью костюма и интерьера и могли пройти вместе со своими владелицами через весь советский период скрытыми от взора власти. Но, по сути, они были «превращенными» деньгами¹, которые можно было в случае крайней нужды ввести в видимый режим и дополнить ими «деньги трудовые». Они хранились, рассредоточивались в семье, продвигались по женской линии от бабушек к внукам и в какой-то момент переставали быть деньгами и, найденные в шкафу, через однажды приоткрытую семейную историю оказывались связующим потомков с предками материалом, напоминая о прошлом «торгово-ремесленного народа», подчас сохраняя потенцию к обращению снова в деньги².

Еврейские деньги предпринимательства: золото в подполье

В бывшей черте оседлости ситуация была иной, нежели в центральных городах: на периферии — на окраинах, в сельской

¹ Ср.: [Ле Гофф 2010: 14, 115].

² См.: [Appadurai 1986; Kopytoff 1986].

местности — новая власть завоевывала свои позиции постепенно. Еврейское население долго, все двадцатые-тридцатые годы, продолжало жить своим укладом, невзирая на новый режим [Brown 2003: 52–83]. Денежное обращение, несмотря на усилия советского правительства, не поддавалось полному контролю — на окраинах ходили региональные деньги разных мастей, а также царская золотая монета [Юровский 1924: 68–69].

Привычная жизнь небольших городков, как рассказывают до сих пор, в самом начале советской власти нарушалась вторжением разных сил, требовавших у евреев денег и золота. Это могли быть банды налетчиков, промышлявшие разбоем. Им старались отдавать «плохие» деньги, которые быстро обесценивались.

Эти банды когда были. А тогда были деньги керенские, были такие большие¹. Так у нас в напернике от перины полно было этих... денег. Они гроши стоили. И маме тоже снился сон <...>: она держит меня на руках, и бандит требует деньги <...> Прошло там немного, день или два <...> Вдруг открывается дверь и один стоит с винтовкой: «Давай деньги, а то я стреляю!» И прямо целится в меня. Точно! <...> И она вынула деньги и ему дала (Val-2006).

Деньги отбирали и представители власти. Если бандиты удовлетворялись «плохими», дешевыми деньгами, то советская власть, не очень отличаясь от остальных способами изъятия денег, требовала для себя золото.

Вот при нэпе торговали... а потом советская власть их загорлышко и посадила в ямы с водой. Они были буржуазия — считалось потом. А им — это ж период такой был — им разрешали торговать, нэпу². Они продавали муку, воду, тетради. А потом их взяли <...> и: «Давай золото». А моя тетя была с нэповцем. Она торговала сельтерской водой, но они сами изготавливали эту воду <...> Так это дядю взяли в эту яму (Tul-2005).

Не поддерживаемые никакими ценностями, бумажные деньги быстро превращались в цветную бумагу, которой, по рассказам, оклеивали стены. «Хорошие» деньги, т.е. царское золото, полученное во времена предпринимательства, когда «золотом платили», нужно было отдать новой власти. Поэтому с упрочением советской власти золотые монеты становятся не столько «хорошими», сколько «опасными деньгами», за хранение которых можно было пострадать. Опасность усугублялась широко

¹ Деньги, выпущенные при Временном правительстве (март-октябрь 1917 г.), имели вид неразрезанных листов бумаги.

² Тут *нэп* в значении «нэпмановцы», т.е. предприниматели эпохи нэпа.

распространенным мнением, что «у евреев есть золото». Требование представителей советской власти отдать золото до сих пор является значимым сюжетом семейных историй, хранящих обиду на несправедливые обвинения в утаивании богатства и, следовательно, в классовой неблагонадежности, принадлежности к имеющим сомнительную репутацию торговцам: *Не все евреи же были торгашами* (Tul-2005). Рассказы об изъятии денег (обычно нескольких спрятанных «на черный день» золотых монет) кристаллизуют конфликт между властью и еврейскими семьями и до сих пор вызывают целый спектр чувств: возмущение, иронию, недоумение и стыд.

Поэтому даже если «опасных денег» было мало, от них все равно старались избавиться. Постепенно «золото» времен еврейского предпринимательства замещалось советскими «трудовыми деньгами», а царские портреты и имперские символы уступали место символической, утверждавшей новую, советскую, власть. Обмен царских золотых монет на советские бумажные червонцы в бывшей черте оседлости сам по себе был видом ушедшей в скором времени в подполье предпринимательской деятельности:

Вы знаете, где ресторан наш? <...> Там была биржа, там стояли и меняли деньги. Если у вас было десять рублей золотом, вам давали бумагу десять рублей, и пять копеек вы доплачивали. Вот вы не хотели держать старые николаевские деньги, а брали советские червонцы. И доплачивали. Меняли монетное золото, где Николай нарисован. И доплачивали пять копеек. Евреев много было, [которые] золото держали. Вот я помню, бабушка: «Бабушка, что ты сделала?» <...> «Я отдала десять рублей, мне дали бумагу». Там еще был, по-моему, министр финансов на этом червонце. <...> И в старое время люди старались держать золотые монеты. А когда появилась советская власть, в двадцать третьем, например, году, то меняли, я помню, и я ходил, видел. Они меняли до двадцать пятого года там (Tul-2005).

«Трудовых денег» часто не хватало: большинство евреев и в советское время оставались городскими жителями и должны были оплачивать свое жизнеобеспечение в пределах заработной платы, не имея дополнительных ресурсов¹.

В принципе весь народ жил бедно. <...> Вот я тебе скажу, вот я пришел с армии, женился, и сидел — на 70 рублей зарплаты. Что на 70 рублей зарплаты? Это не хватало даже на еду. При советской власти не хватало на еду. Я кончил институт, пошел начальником цеха, получил 145 рублей зарплаты. Большие деньги

¹ См.: [Pincus 1988: 92].

были! Мог я прожить на эти деньги? Хотя говорят, что я мог купить за 16 копеек буханку хлеба, мог купить килограмм колбасы за три пятьдесят, мог купить килограмм мяса за два шестьдесят <...> Я просто говорю цены, которые были при советской власти. Были низкие цены, с расчетом на те зарплаты, чтоб я мог прожить! Но все равно их не хватало. <...> Каждый хотел какую-то мебель в дом, какой-то столик, какую-то ванну... Я не говорю, что еще квартиры не было... (Tul-2005).

Кроме того, деньги были нужны на поддержание связей внутри еврейского сообщества. На протяжении практически всего советского периода деньгами оплачивались традиционные и религиозные нужды: помещения для совместной молитвы (синагога), чтение поминальных молитв, чтение молитвы на Судный День. Старики давали детям мелкие монетки за принесенный в синагогу стульчик. Деньги участвовали в подготовке и проведении семейных событий и праздников. На рождение ребенка раздавали деньги соседским детям. На похороны собирали деньги, чтобы нести покойного на кладбище. Как и в старое время, самых больших трат у многих требовала свадьба — в это время деньги были вынесены на обозрение всего общества [Изард 2008: 178]. По-прежнему обращались к платным услугам свах. Готовить и проводить свадьбу приглашали специалистов, работу которых тоже оплачивали деньгами. Участие в свадьбе предполагало денежные взносы от гостей. Из годовых праздников дополнительных расходов требовал Пейсах. Особым праздником оставался и остается Ханука, когда старшие родственники дарят детям «хануке-гельт» (*ид.* ханукальные деньги). При этом праздничные практики евреев черты оседлости с их бесконечным движением денег из частного пространства в публичное и обратно сократились и сместились в сторону частной сферы. Сообщество также практиковало благотворительность и через это поддерживало свою социокультурную целостность за пределами родственных и соседских связей, несмотря на то что, *кто, куда — никто не знали*, а сама целостность не была артикулирована: *Понимаешь, если я, допустим, там давал... двести-триста рублей, не говорил «община», они не могли сказать «община» (Tul-2005).*

Поэтому наряду с трудовыми доходами существовали предпринимательские деньги, деньги традиционных занятий — ремесла и торговли. Если средств на жизнь не хватало, можно было начать предпринимательство, во всяком случае именно так мотивируют этот переход люди, которые занимались предпринимательством в советское время.

Советский экономический порядок, как уже было сказано, переместил традиционные занятия в сферу наемного труда,

поставив предпринимательство вне закона. Любое обращение к способам добывания денег, практикуемым в прошлом, могло привести к непоправимым последствиям — наказанию и даже смерти. Поэтому всякая предпринимательская деятельность была сопряжена с риском и должна была оставаться невидимой для советской власти. Что делало ее таковой в условиях небольших сообществ бывшей черты оседлости, насквозь пронизанных родственными и соседскими связями и единым информационным полем? Можно полагать, что это были инкорпорированность в рутинное повседневное поведение, общее молчаливое сопротивление власти и невидимость результата этой деятельности — предпринимательских денег. Нормы поведения балансировали между формальными (государственными) и неформальными (локальными общественными) установками.

В сфере производства традиционное изготовление товаров потребления и предоставление услуг, переформулированные в советский период как составляющие государственного планового хозяйства, оставляли место для двоякого прочтения деятельности их участников. Не случайно в воспоминаниях о советском секторе услуг жители бывшей черты оседлости часто не могут провести границу между собственностью государства и частных лиц — работников этого сектора. Граница оказывалась проницаемой и определялась планом, после выполнения которого можно было «работать на себя». Реализация товаров также происходила за пределами видимости и государственного контроля — в частных домах, на рынке и в пространстве традиционной деятельности (номинально оно было отдано государству, но фактически становилось таковым только во время проверок). Не последнюю роль тут играл и консенсус с представителями местной власти, которые получали от предпринимателей выплаты деньгами или дефицитными товарами. Локальное сообщество, объединенное с представителями местной власти одними интересами и ценностями, не поднимало вопроса о соответствии советских установок и их реального воплощения, если внутренние нормы сообщества не нарушались. Представителей местной власти, которые не принимали правила игры, сообщество выталкивало вовне, вынуждая уехать или отойти от дел (Bal-2006, Tul-2005, MP-2007).

Особое внимание сообщество уделяло потреблению, которое переводило предпринимательские деньги в видимые формы. Предпринимательские деньги были невидимыми, если их видимые формы не нарушали конвенциональные рамки, ограниченные «личным имуществом» и, с одной стороны, дававшие возможность демонстрировать успешность, а с другой — ставившие четкие границы дозволенного. Потребительская конвенция со

временем менялась. Но как раньше, так и потом она ограничивалась личным имуществом, которое в советский период стало определяться формулой «квартира-машина». Именно так — *У меня было все <...> Я был хозяин <...> У меня был дом, у меня была машина. Ну... по тем временам у меня были деньги. Я ни в чем не нуждался* (Вег-2008) — определяют свою советскую предпринимательскую успешность люди в бывшей черте оседлости до сих пор. При этом основные предпринимательские деньги были скрыты в самой сфере предпринимательства. Они перераспределялись в сообществе — на выплаты местным властям, долевые выплаты товарищам по бизнесу и начальству и, наконец, на помощь старикам и «бедным невестам». Хотя о них «все знали», они должны были быть скрыты от публичного обозрения / признания и закона.

Таким образом, подпольное предпринимательство поддерживало местное сообщество, в том числе и деньгами, а само сообщество с его традиционно воспроизводившимися социальными отношениями и родственно-соседской взаимопомощью, объединенное сопротивлением государственной власти, оказывалось дополнительным ресурсом для каждого отдельного человека.

Деньги без применения ушли «в подполье», найдя себе место в тайниках и в земле. Сегодня в бывшей черте оседлости еврейского населения практически не осталось, но еврейские деньги все еще находят. В рассказах о еврейских деньгах различаются сэкономленные советские деньги, нажитые социалистическим трудом, и деньги предпринимательские. Первые оказались «плохими деньгами», которые не смогли пройти испытание временем и потеряли свою ценность. Они превратились в мусор¹. Предпринимательские деньги — и полученные в результате традиционных занятий торговлей и ремеслами, и традиционные, но подпольные деньги советского времени — превратились в извлекаемые из-под мусора золотые россыпи². Они оказались устойчивыми ко времени и политическим переменам и не только сохранили свою ценность, но и придали ценность хранящей их земле, на которой в современной ситуации рынка многие научившиеся у евреев бизнесу предприниматели успешно ведут свое дело.

¹ Например: *Мы находили закопанные банки с абсолютно истлевшими рублями и тройками, закопанные в земле. Стекланные банки с пластмассовыми крышками. Истлевшие эти купюры, некоторые вообще пришедшие в негодность <...> Эти монеты медные, которые настолько окислились, что они были зеленого цвета. Эти банки были закопаны по всему огороду...* (Bal-2006).

² *Тогда на месте рождения [местного предпринимателя] Симхи... начинала строительство кинотеатра <...> А там куча мусора... обязательно на этом мусоре ковыряться? <...> И только гребанул — и посыпались монеты с того ковши. <...> Но дело в том, что там место такое, что там раньше евреи жили... Старое место...* (MP-2007).

Семейная мобильность и семейные сокровища

Монетное золото необязательно оказывалось в земле. Оно также сохранялось в приватном пространстве в качестве семейных ценностей. В связи с этим я хочу привести историю золотых монет, которую слышала не один раз в разных вариантах и в конце концов записала¹.

Рассказ о золотых монетах начинался обычно с того, что до войны² дедушка сделал тайник в стене комнаты, которую занимала его семья в одесской коммунальной квартире. После окончания войны, вернувшись из эвакуации, оставшиеся в живых члены семьи обнаружили, что в их комнате живут другие люди. Тем не менее им удалось попасть внутрь и найти тайник, причем особая роль досталась матери рассказчицы, тогда еще девочке — она смогла нащупать метку.

Когда они приехали, то пришлось ощупывать стены, для того чтобы найти шляпку гвоздя, которая указывала на то место, где эта небольшая ниша была устроена. И где хранилось... какое-то количество золотых монет. <...> Они их забрали. <...> Кроме денег были какие-то золотые часы на цепочке и что-то там еще <...> Я себе представляла, что вот те монетки, которые мне показывала бабушка, завязанные в узелке, — это какие-то вот остатки... от того клада... (SPb-2011-S³).

Этот момент чрезвычайно важен для семейной истории: семья не потеряла свое самое важное имущество — золото, ценность которого, скорее всего, измерялась не только в деньгах. Ведь монеты не стали обращать в актуальные деньги даже в трудные времена. Позже, когда они достались следующему поколению, эта ценность была осознана.

Я понимала, что, наверное, они сколько-то весят, и это золото. Или, может быть, это старые монеты, и они имеют какую-то антикварную ценность... <...> Но это не какая-то такая [материальная] ценность... это все — сокровище семьи (SPb-2011-S).

Семья почти сразу покинула Одессу и переехала в один из городов Средней России, а затем уже поколение внуков переселилось в Санкт-Петербург. Вещи из клада со временем исчезли, но золотые монеты сохранились, хотя, как гласит семейная память, власти несколько раз предлагали бабушке сдать золото. Воспоминания о том, что бабушку не раз «вызывали» по поводу «еврейского золота», до сих пор рождают

¹ От информантки 1960 г.р.

² Имеется в виду Отечественная война 1941–1945 гг.

³ Архив автора.

чувство стыда¹. Монеты лежали вместе с другими семейными ценностями — документами, старыми облигациями, сберкнижками. *Пять монет... две монетки покрупнее и три маленьких; из этих трех одна была польская, а остальные все вот николаевские* — были завязаны в узелок и составляли целостность, но позже были распределены между уже взрослыми сестрами. Таким образом, монеты остались, но «сокровище» прекратило свое существование: семья тоже разделилась и как единое целое больше не существовала. Однако оно продолжало жить в семейном прошлом, провоцируя воспоминания.

«Сокровище семьи», старые золотые монеты, принадлежащие дореволюционной эпохе, актуализировали определенные практики коммуникации — их разглядывали.

Я ее [бабушку] просила показать золотые монеты. Она как-то понимала, в чем мой интерес. И соглашалась показать. <...> Как я сейчас понимаю, мне было интересно, что это вот очень старые монеты. Что... они не советские. Что вот они какие-то... дореволюционные. И, по-моему, она так формулировала, что они дореволюционные. Что на них изображен царь (SPb-2011-S).

Показ монет, которые несли информацию о старом и запретном для положительных оценок времени, был своего рода сговором и особым интимным общением представителей старшего и младшего поколения. В это время они как бы объединялись в молчаливом сопротивлении существующему порядку, и происходила передача по наследству истории семьи.

Я любовалась этим узелком, когда я уже была пионеркой. Я понимала, что вот эти монеты золотые. Что они не просто в красную тряпочку завязаны, а что это — пионерский галстук. И это имело какие-то дополнительные смыслы. Потому что вот сочетание этого золота, которое для меня было связано... с каким-то временем, когда... никакой советской власти не было, никаких пионеров вроде бы не было: золотые монеты — это когда-то давно, до революции. При этом вот этот сатиновый пионерский галстук. Конечно, не такой, как мой. Мой был шелковый: эти галстуки, которые от горячего утюга моментально сворачивались и сжигались. А вот этот был какой-то другой. И я понимала тем не менее, что это тоже пионерский галстук. Я не знала, чей. И почему именно кусок пионерского галстука был просто ножницами отрезан, край? Почему именно в этом галстуке оказалось

¹ Тут часто возникает вопрос: почему именно стыд является важной составляющей в нарративах о попытках отобрать «еврейское золото» (см. также с. 253)? В разное время на этот вопрос можно получить разные ответы. Думаю, что это реакция на стигматизацию: имплицитно присутствующее обвинение в чужести, неблагоденности, неблаговидных торговых делах, но — *Не все же евреи были торгашами* (Tul-2005). Стигматизация же сопряжена с чувством стыда.

это золото? <...> И когда эти монеты оказывались лежащими на таком треугольном куске старого галстука. Вот эта картинка, она очень яркая (SPb-2011-S).

Предметы, которые объединяло «сокровище», трудно представить находящимися вместе на виду у всех. Они принадлежат разным хронологическим пластам «большой» официальной истории и одновременно намечают в этих рамках историю семьи — неофициальное отношение людей к истории государства. Последовательность привычно выстраивается по заданной официальной историей схеме: «до революции» и «советская власть». «Сатиновый пионерский галстук» из детства взрослых — кто «просто ножницами» мог отрезать край, нарушив целостность сакрального символа детской принадлежности к коммунистическим идеалам и пионерскому коллективу [Леонтьева 2009]? Наконец, свой сворачивающийся от горячего утюга «шелковый галстук» позднего советского времени, который был частью уже девальвировавшей себя советской повседневности и угасания идеологического энтузиазма. В публичном пространстве эти предметы можно было бы найти встроенными идеологическими комментариями в советский исторический порядок в витринах музея. Однако собранные в приватном пространстве в одно целое из разных дискурсивных полей вещи входили друг с другом в противоречие. Золотые монеты апеллировали к дореволюционному миру имущественного неравенства, с которым так упорно боролась советская власть. Причем это был семейный мир — скорее богатства, нежели бедности, и он противостоял советским общественным установлениям. Пионерский галстук, напротив, символизировал принадлежность к социалистическим идеалам равенства. Золотые монеты и пионерский галстук озвучивали противостояние между царским временем и советской эпохой, польские монеты намекали на связи их владельцев с границей, расширяя пространство семьи за пределы дозволенного мира. И все это скрывало в себе оставшееся умалчиваемым прошлое семьи. Практики рассматривания золотых монет оказались практикой комеморации — построения семейной памяти и выстраивания несоветской этнической идентичности.

Таким образом, лежащие в тайнике старые деньги смогли пройти длинный путь из черты оседлости в столичный город. Они не конфликтовали с мобильностью их владельцев и могли быть легко спрятаны и перемещаемы. В конце концов их постигла та же участь, что и украшения и утварь: они стали символом семейной принадлежности к «торгово-ремесленному сословию». Но монеты с дореволюционной государственной

символикой были гораздо информативнее и значительно резче конфликтовали с советскими ценностными установками, нежели демонетизированное семейное имущество в виде безделушек и женских украшений. Деньги оказывались чрезвычайно политизированной собственностью, и поэтому их тщательно скрывали. Так, привезенные золотые монеты, как и многие украшения, оказались спрятаны вместе с самыми ценными и «близкими» к людям предметами в доме — документами и нательной одеждой.

Заключение

Современные рассказы о еврейских деньгах в контексте семейной и локальной истории советского времени являются осмыслением советского опыта, в котором просматривается конфликт между этнической и советской идентичностью.

Можно думать, что в эпоху сословно-рыночных отношений царской России денежные обмены играли довольно важную роль в сохранении границ еврейского сообщества и отношений внутри него. Многочисленные культурные практики, связанные с разными деньгами — с золотыми монетами символического богатства, текучими деньгами для деловых операций, трудовыми деньгами рабочих и ремесленников, деньгами благотворительности для бедных — поддерживали идентичность «торгово-ремесленно-посреднического» народа как особой целостности.

Советская власть, упразднив сословия, рынок и предпринимательство, поставила деньги и денежные операции, выходящие за рамки советских реалий, вне закона. Несанкционированные денежные отношения и несветские деньги должны были исчезнуть из обихода. На сцену вышли трудовые деньги, распределяемые государством: новая власть замкнула разрешенные денежные обмены на отношения «человек — государство» и способствовала эрозии внутренних связей еврейского сообщества. Основные виды экономической деятельности еврейского населения, таким образом, оказались вне закона. Поэтому с приходом и укреплением советской власти любые деньги, которые были получены вне трудовых отношений «до» или «после» революции и не ушли со временем на необходимое жизнеобеспечение, должны были стать невидимыми. Они могли быть отняты, потеряны или проиграны в карты, они могли продолжить свое существование, будучи обращены в другие ценности — материальные и нематериальные, могли оставаться в виде монет и быть похоронены в тайниках.

Новое общество актуализировало конфликтующие лояльности и идентичности в среде еврейского населения. Негоциация старого и нового, частного и публичного, центра и периферии, деклараций и умалчиваний была основой социального и физического выживания. Постоянная вибрация между ними создавала напряжение и была частью советской социальной компетенции. Важную роль при этом играли деньги.

В советском обществе тотальной политики деньги оказались чрезвычайно политизированными. Они были не столько знаком результата экономической деятельности, сколько знаком благонадежности и лояльности государству. Трудовые советские деньги были единственно дозволенными деньгами. Они были деньгами труда и символизировали отношения равенства советских трудящихся между собой. Предпринимательские деньги торговли и самостоятельного производства (ремесла), большие или малые, были деньгами социального неравенства и принимали на себя значение богатства их обладателей. Они были деньгами нелояльности советской власти. Независимо от количества, если их предпринимательское происхождение было видимым через несоветские практики их получения или трат, они могли стать причиной репрессий. Как материальные объекты они могли иметь несоветский облик. Особенно это касалось золотых монет, которые своим материалом апеллировали к запрещенному богатству.

В еврейском сообществе, как уже было сказано выше, были разные деньги: деньги наемного труда, деньги предпринимательства — самостоятельного труда и торговли, деньги учености. Из них символическим маркером сообщества как целостности были, пожалуй, деньги предпринимательства.

Еврейские предпринимательские деньги после прихода советской власти имели разную судьбу в центре и на периферии. Умение людей найти баланс между лояльностью новой власти и ресурсами обеспечивало выживание и успех. В центре, в большом городе от советских граждан власть требовала большей лояльности, нежели на периферии. Одновременно в большом городе имелись и значительные ресурсы для выстраивания успешной советской биографии — учебные заведения и престижные должности. Деньги предпринимательства после прихода советской власти у многих оставались в скрытом виде в частной сфере, но находились без видимого применения. Периферия предлагала другие ресурсы и требовала других лояльностей. Она позволяла вести привычный образ жизни, но возможности построить успешную нормативную советскую карьеру были ограничены. Обеспечивающая определенный уровень жизни и позицию в обществе предпринимательская

деятельность, вписанная в рамки государственных институтов, была частью повседневности и выражением лояльности противостоящему государству сообществу. Предпринимательская деятельность на периферии была обеспечена молчаливой поддержкой всего сообщества и сама поддерживала его.

Конфигурации лояльностей, которые формировались вокруг отношений с деньгами, можно рассматривать как стратегии лояльностей, распределенных между государством, еврейским сообществом и семьей. Лояльность новой власти конвертировала старые деньги предпринимательства в другие ценности. Так, в приведенной выше мужской истории, чтобы выстроить правильную советскую биографию, нужно было полностью и, видимо, публично отказаться от прежних денег. (Хотя прежде часть их была конвертирована в символический капитал, без которого было бы трудно построить столь успешную карьеру.) Женщины имели возможность держать деньги в качестве предметов домашнего быта и личного имущества — безделушек и украшений в приватном пространстве. Демонетизация денег была и их деполитизацией. Демонетизированные ценности в условиях советского города уже не могли конвертироваться в прежнее состояние. Они могли превратиться только в советские деньги или остаться в своем настоящем виде как знак лояльности семье. В свою очередь советские деньги оказались «плохими» деньгами — они не смогли пережить время.

Предпринимательские деньги периода советской власти смогли не только выжить, но и пережить ее. Переданные по наследству в виде женских украшений, они прорисовали родственные связи. Движение еврейского золота из черты оседлости в город связало прошлое черты оседлости и городское настоящее, актуализировав этническую и локальную идентичность. В бывшей черте оседлости золотые деньги сегодня ассоциируются с еврейской традицией, основой которой в рассказах местных жителей оказываются предпринимательство и ремесленное производство. По словам старожил, еврейские ремесло и торговля были залогом прежнего богатства края, это они оставили после себя золотые россыпи. Таким образом, предпринимательские деньги, которые теперь можно найти в земле в виде бесчисленных золотых монет, стали маркером еврейской традиции и прошлого в экономическом настоящем локальных сообществ.

В связи со сказанным выше можно отметить, что нарративизация еврейского семейного и локального прошлого показывает разное отношение к деньгам у современных жителей больших городов и бывшей черты оседлости. Жители больших городов

выказывают меньше интереса к еврейской предпринимательской деятельности, вынося ее за пределы актуального прошлого. Они демонстрируют разрыв между деньгами предков-купцов и их собственными деньгами, в основном деньгами высококвалифицированных профессионалов. Жители бывшей черты оседлости особые отношения евреев с деньгами помещают в актуальное советское прошлое и проводят линию преемственности между дореволюционным предпринимательством, подпольным советским и современным бизнесом. Правда, сегодняшние предпринимательские деньги уже другие — они потеряли свою запретность и этническую принадлежность.

В заключение необходимо сказать, что сегодня, когда интерес к деньгам на постсоветском пространстве значительно возрос и предпринимательство стало снова востребованным, тема «евреи и деньги» также актуализировалась. Прошлое умение евреев обращаться с деньгами стало преподноситься широкой публике как особое практическое знание и эталон бизнес-этики [Наккарайнен 2008]. Между тем для людей, которые рассказали свои семейные и локальные истории (жителей и большого города, и бывшей черты оседлости), отношение евреев к деньгам оказывается не практическим руководством к действию в сфере бизнеса, а ушедшей в прошлое традицией. Таким образом, еврейские деньги традиционализировались. И теперь уже можно говорить, что не евреи производят деньги, а скорее еврейские деньги прошлого помогают производить еврейские идентичности.

Благодарности

Я хочу поблагодарить Центр «Петербургская иудаика» и отдельно Аллу Соколову за сотрудничество и предоставленную мне возможность использовать полевые материалы организованных центром экспедиций. Я также хочу поблагодарить Академию Финляндии, Фонд Конне и Фонд Genesis Philanthropy Group (GPG) за финансовую поддержку на разных этапах этого исследования.

Библиография

- Алексеев А.А.* Очерки домашней и общественной жизни евреев, их верования, богослужение, праздники, обряды, талмуд и кагал. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд. И.Л. Тузова, 1896.
- Афанасьев А.С. (Чужбинский).* Поездка в Южную Россию. СПб.: Тип. Морского мин-ва, 1861. Ч. 1: Очерки Днепра.
- Афанасьев А.С. (Чужбинский).* Собр. соч. СПб.: Книгоиздательство Герман Гоппе. 1893. Т. 8: Поездка в Южную Россию. Очерки Днестра.

- Берлин М.* Очерк этнографии еврейского народонаселения в России, составленный согласно программе, изданной в 1852 году Императорским Русским географическим обществом. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1861.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Весь мир, 2006. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное.
- Бурдые П.* Политическое представление. Элементы теории политического поля / Пер. с фр. Е.Д. Вознесенской // Социология социального пространства: Сб. ст. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетейя (Gallicinium). 2007. С. 179–219.
- Бурдые П.* Формы капитала // Экономическая социология. 2005. Т. 6. № 3. С. 60–74.
- Венгерова П.* Воспоминания бабушки. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2003.
- Витухновская М., Герасимова К., Чуйкина С.* Ленинград и ленинградцы 1930-х годов в интервью // На корме времени: интервью с ленинградцами 1930-х годов. СПб.: Журнал «Нева», 2000. С. 3–17.
- Гессен Ю.И.* Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб.: Типо-лит. А.Г. Розена (А.Е. Ландау), 1906.
- Гимпельсон Е.Г.* «Военный коммунизм»: политика, практика, идеология. М.: Мысль, 1973.
- Изард С.* Экономика советской свадьбы в Могилеве Подольском советского периода // Штетл XXI век: Полевые исследования / Сост. В.А. Дымшиц, А.Л. Львов, А.В. Соколова. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 177–185.
- Клиер Дж.* Россия собирает своих евреев: Происхождение еврейского вопроса в России: 1772–1825. М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2000.
- Конституция (основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 г. <<http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm>>.
- Котик Е.* Мои воспоминания / Предисл. и примеч. В.А. Дымшица. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2009.
- Кравцова Е.С.* Налоговые преобразования Российского правительства в период Первой мировой войны. Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: Сб. мат-лов всерос. науч. конф. Челябинск, 28–29 ноября 2009 г. / Под ред. Г.А. Гончарова, С.А. Баканова. Челябинск: Энциклопедия, 2009. С. 88–95.
- Ле Гофф Ж.* Средневековье и деньги: Очерк исторической антропологии. СПб.: Евразия, 2010.
- Леонтьева С.* «Он ведь с красным знаменем цвета одного»: материалы к истории одного шейного платка // Теория моды. 2009. № 13. С. 237–257.

- Маркс К.* Капитал: критика политэкономии. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1960 [1867]. Т. 23. С. 43–812.
- Протоколы XI съезда РКПб. М.: Партиздат ЦК ВКПб, 1936.
- Салинз М.* Экономика каменного века. М.: ОГИ, 2000.
- Сталин И.В.* Сочинения. М.: ОГИЗ; Гос. изд-во полит. литературы, 1949. Т. 11. С. 157–187.
- Хаккарайнен М.* О деньгах в еврейской традиции XIX в. // Антропологический форум. 2011. № 14 Online. С. 67–97.
- Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Императорским Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные д. чл. П.П. Чубинским: В 7 т. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1872–1878. Т. 1. Вып. 1: Верования и суеверия. Загадки и пословицы. Колдовство. 1872; Т. 6: Народные юридические обычаи по решениям волостных судов. 1872; Т. 7. Евреи. Поляки. Племена малорусского происхождения. Малоруссы (Статистика, сельский быт, язык). 1872.
- Чуйкина С.* Дворянская память: «бывшие» в советском городе (Ленинград, 1920–30-е годы). СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006.
- Юровский Л.Н.* На путях к денежной реформе. М.: Финансовая газета, 1924.
- Appadurai A.* Introduction: Commodities and the Politics of Value // The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspectives / Ed. by A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 3–63.
- Brown K.* A Biography of No Place: From Ethnic Borderland to Soviet Heartland. Cambridge, MA; L.: Harvard University Press, 2003.
- Gilbert E.* Common Cents: Situating Money in Time and Place // Economy and Society. 2005. No. 34 (3). P. 357–388.
- Graeber D.* Beads and Money: Notes toward a Theory of Wealth and Power // American Ethnologist. 1996. Vol. 23. No. 1. P. 4–24.
- Gudeman S.* The Anthropology of Economy: Community, Market and Culture. Malden; Oxford; Carlton: Blackwell, 2001.
- Hakkarainen M.* Business Ethics and Religious Rhetoric: Jewish Entrepreneurship and Jewish Entrepreneurs in Post-Soviet Russia and Ukraine: The paper presented at a workshop «Multiple Moralities in Contemporary Russia: Religion and Transnational Influences on Shaping Everyday Life» 17–19 September 2008, in Max-Planck Institute for Social Anthropology, Halle/Saale. Manuscript.
- Kopytoff I.* The Cultural Biography of Things: Commoditisation as Process // The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspectives / Ed. by A. Appadurai. Cambridge: Cambridge University Press, 1986. P. 64–91.
- Maurer B.* The Anthropology of Money // Annual Review of Anthropology. 2006. Vol. 35. P. 15–36.

- Miller M.S.* Financial Reform in Soviet Russia // The Slavonic and East European Review. 1931. Vol. 10. No. 29 (Dec.). P. 328–337.
- Parry J.* On the Moral Perils of Exchange // Money and the Morality of Exchange / Ed. by J. Parry, M. Bloch. Cambridge: Cambridge University Press, 1996 [1989]. P. 64–93.
- Parry J., Bloch M.* Introduction: Money and the Morality of Exchange // Money and the Morality of Exchange / Ed. by J. Parry, M. Bloch. Cambridge: Cambridge University Press, 1996 [1989]. P. 1–32.
- Pincus B.* The Jews of the Soviet Union: The History of the National Minority. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. (Soviet and East European Studies).
- Taussig M.* The Genesis of Capitalism amongst a South American Peasantry: Devil's Labor and the Baptism of Money // Comparative Studies in Society and History. 1977. Vol. 19. No. 2. P. 130–155.
- Zenner W.* Middlemen Minorities // Ethnicity / Ed. by J. Hutchinson, A.D. Smith. Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 179–186.